

Отзыв

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» Николая Александровича Мининкова о диссертации Брезгуновой Виктории Михайловны «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЧЕРКАС В ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ И ИХ СЛУЖБА В РОССИИ В XVII ВЕКЕ», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в диссертационный совет Д.212.038.12 на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Актуальность проблемы, поставленной в диссертации В.М. Брезгуновой, представляется несомненной. Без учета роли переселений на территорию южной российской окраины вообще и Воронежского края, в частности, сложно уяснить сущность и характер развивавшихся на этих территориях процессов. Известно, что в истории отечественной исторической науки взгляд на южные территории страны как на обширное поле для колонизации имел весьма прочные позиции. В полной мере эта теория использовалась в отдельных случаях для объяснения процессов формирования казачества на Дону, например, С.Г. Сватиковым. Тем более это касается столь значимого элемента этой колонизации, как черкасы, роль которых в заселении и освоении края была весьма велика. Потомки черкасских переселенцев составляют и поныне очень заметную часть населения в южной части Воронежской области, сохраняя особенности языка и культуры. В этой связи уяснение характера и особенностей черкасской колонизации позволяет сформировать более полное и глубоко представление о культурно-исторических особенностях края, о предпосылках формирования культурной традиции местных черкас, о взаимодействии в крае элементов черкасской и русской культуры, итогом которой стал неповторимый культурный синтез. Этот синтез развивался на протяжении XVIII-XX вв., а зародился в XVII в. Отсюда не только значительная актуальность темы. Очевиден и интерес к ней с позиций истории культуры края.

По своей структуре диссертация состоит из пяти глав. Первая глава содержит анализ причин переселений черкас на Верхний Дон. Вторая, в которой рассматривается переселение черкас в Воронежский край и в которой ставятся вопросы о численности черкасского населения, имеет историко-демографическую особенность. Третья глава дает анализ экономического положения переселившихся черкас, их материального обеспечения, льгот и привилегий. Глава четвертая посвящена характеру и особенностям службы воронежских черкас, и, что особенно интересно, московской политике в отношении черкасских изменников. Наконец, в пятой главе прослежена защита черкасским населением своих интересов, выявлены конфликты, которые возникали на почве этой защиты с местной

администрацией. По существу, это одна из составных частей общего состояния бунташного века в государстве при царе Алексее. Без ее учета не сложится полного представления об остроте внутреннего положения в стране в целом. Поэтому структура диссертации представляется вполне обоснованной.

Все необходимые составные части содержит автореферат. Обоснование актуальности поставленной проблемы вполне приемлемое. Объект и предмет исследования выделены в соответствии с поставленной проблемой. Здесь же содержится со ссылкой на А.И. Папкова объяснение термина «черкасы» в русских источниках исследуемого времени. К этому может быть добавлено и то, что в документальных источниках, относящихся к войску Донскому, под черкасами имелись также в виду запорожцы. Следовательно, типичный для русских документальных источников XVII в. термин «черкасы» имеет многозначное толкование, но, главное, то, что он связан с обозначением выходцев с Украины, преимущественно из ее Левобережья. Именно такие черкасы заселяли Воронежский уезд, что совершенно справедливо подчеркивает В.М. Брезгунова. Четко обоснованы хронологические и территориальные рамки исследования. Цель исследования соответствует поставленной проблеме, а указанные задачи направлены на последовательное раскрытие вопросов, относящихся к заявленной цели исследования. Не вызывает сомнения опора на фундаментальные принципы научного исторического исследования – объективность и историзм, которые традиционны для исторической науки. Исследовательские методы приемлемы для изучения комплекса источников, относящихся к черкасам на территории Воронежского края, причем проблемно-хронологический метод пронизывает все исследование и позволяет и обратить внимание на важнейшие проблемы, и ставить их в соответствии с хронологией изучаемого процесса. Четкость и полнота характерна для историографической части введения. В ней по существу прослежено, как от общей постановки вопроса о переселениях черкас в Воронежский уезд историки переходили к анализу некоторых конкретных событий и процессов, относившихся к черкасскому переселению и к закреплению их на Верхнем Дону вблизи Воронежа. Кроме того, обстоятельные историографические экскурсы имеют место в параграфах глав при освещении отдельных сюжетов, относящихся к общей проблеме исследования, что позволяет в полной мере представить степень историографической проработанности разных вопросов и более четко оценить вклад автора в их решение. Значительное место в составе введения, большее, чем это бывает в диссертационных исследованиях, занимает анализ источниковой базы. Но это обстоятельство представляется вполне оправданным. Эта часть дает обобщающее и весьма точное представление о публикациях источников и об архивных фондах, находящихся в РГАДА и в ГАВО. Выделены особенности делопроизводственной документации, относящейся к отдельным группам источников, в которой содержатся сведения о переселениях черкас и разных сторонах их внутренней жизни в пределах Воронежского края. Правомерно обращено особое внимание на

такой специфический источник, как челобитные, индивидуальные и коллективные. Вообще этот источник, пожалуй, в большей степени, чем другие документальные источники, дает представление о конкретном человеке, принадлежащем к определенной социальной или этнокультурной группе, и в наибольшей степени приближает исследователя к уяснению проблемы человека в обществе. В это связи, как также представляется, напрашивается вопрос о комплексном исследовании челобитных XVII в. от разных социальных групп населения, среди которых занимают свое место и воронежские черкасы, и донские казаки, от которых также было за этот век немало челобитных. И в этой связи то, что В.М. Брезгунова особо выделила эти источники, явно свидетельствует в пользу ее исследования.

Исторический подход к исследованию предполагает постановку вопроса о генезисе изучаемого явления и процесса. Это проявилось в первой главе, где среди предпосылок переселений черкас в Воронежский край выделены политические, экономические и религиозные. Выделенные причины обоснованы опорой на фактический материал. Справедливо указано, что религиозные причины имели не меньшее значение для черкас-переселенцев, чем экономические и социальные. Казалось бы, эту мысль было бы целесообразно подчеркивать в несколько более раннее время, когда усилия отечественных историков были направлены на преодоление некоторых стереотипов советского периода в развитии историографии. В самом деле, в тот период было заметно особое внимание к экономической и социальной сторонам сложных исторических процессов, к которым относятся переселения. Но вместе с тем этот вывод подкреплен убедительным фактическим материалом, и он хорошо встраивается в авторскую систему доказательств.

Анализ хода черкасских переселений и утверждения на территории разных городов Воронежского края, проведенный В.М. Брезгуновой, доказательно свидетельствует о сложности и противоречивости этого процесса. Вообще хорошо известно, что в обстановке, сложившейся после неудачной Смоленской войны, русское правительство проявляло значительную осторожность, не желая обострения ситуации в условиях недостаточной подготовленности к продолжению борьбы за возвращение Смоленска. Выражалось это и в весьма сдержанной реакции на успех войска Донского 1637 г., взявшего турецкий Азов, из опасения осложнений с Османской империей. В.М.Брезгунова указала на осторожность русской стороны непосредственно в отношении с Речью Посполитой в связи с приемом черкас, переселявшихся в Россию. Но такая осторожность сочеталась с настойчивостью в защите переселенцев от возвращения в Польшу. В этом отношении хорошо проведен авторский анализ внутреннего смысла письма путивльского воеводы Н. Плещеева гадячскому старосте М. Длускому о невозможности выполнять его требование о выдаче переселенцев. По существу, о самом возвращении, как указывает В.М. Брезгунова, в письме говорится немного, и в самом конце, но в этом состоял главный смысл письма, его суть, а весьма резкий отказ был как бы

завуалирован выговором старосте за неточность в делопроизводственной практике, связанную с написанием царского титула (с.38). Достаточно традиционно выглядит второй параграф первой главы об экономических предпосылках переселения черкас, он напоминает некоторые положения советской историографии с ее классовым подходом. Но при этом очевидна опора на значительный фактический материал, подтверждающий тезис о развитии феодальной эксплуатации на территории Речи Посполитой после Люблинской унии и о стремлении в этой связи к уходу народа из разных слоев украинского населения на южную российскую окраину (с.43-51). Отсюда есть основание для вывода о приемлемости комплексного социального анализа для исследования подобных проблем, или, как нередко говорится за последнее время, классового подхода, и для историка, воспитанного в историографической традиции советского времени, такой подход вызывает интерес.

Вообще конкретная характеристика расселения черкас по территории Воронежского уезда и в Острогожске, положения отдельных групп переселенцев придает исследованию очень конкретный характер, что в полной мере соответствует особенностям научного исторического познания. Вместе с тем имеет место разъяснение в необходимых случаях терминологии источников, что способствует уяснению их внутреннего смысла, как, например, с разделением в XVII в. на южной окраине между городами и «пригородами» (с.77). То же самое – разделение уезда на станы и волости (с.85). Среди демографических особенностей утверждения черкас в Воронежском крае, отмечается, что в разных городах на протяжении века имело место постепенное и устойчивое уменьшение численности черкасского населения, даже возвращение в пределы Речи Посполитой (с.79, 102, 117). Отчасти это связывается, по авторскому мнению, с татарскими нападениями семидесятых годов. Что касается города Ольшанска, то в качестве обстоятельства, вызвавшего некоторое сокращение численности черкасского населения, указано участие жителей в Разинском восстании, когда город открыл ворота разинскому атаману Федору Колчеву (с.92). Вообще глава о заселении черкасами территории Воронежского уезда привлекает своей конкретностью, значительным фактическим материалом о прибытии в разные города на поселение не только каких-то значительных групп черкас, но и об утверждении в них в качестве местных жителей отдельных людей из числа тех же черкас.

К наиболее сложным вопросам темы относится третья глава, связанная с экономической и отчасти с социальной историей воронежских черкас. Сделан вывод об особой важности для черкас-переселенцев денежного и земельного жалованья, а также о стремлении государства к материальному обеспечению переселившихся в города Воронежского края черкас как новой по существу категории служилых людей (с.129). Вместе с тем учтено, что среди черкас в Воронежском уезде были не только служилые люди. Имелось также немало «городовых» и «пахотных» черкас, численность которых бывала сопоставима со служилыми людьми (с.116). Проведено сравнение размеров

хлебного и денежного жалования и обстоятельств, определявших определенные различия в разных городах. Обращено внимание на то, что жалование черкасам было по своим размерам вполне сопоставимо с жалованием русским служилым людям. Отсюда общий вывод о заинтересованности московского правительства в прочном закреплении черкас на службе в городах Воронежского уезда представляется убедительным (с.137-138).

Поставлен также важный вопрос о льготах и привилегиях черкас, об отношении к этим льготам и привилегиям со стороны местной администрации. То же самое заметно и в отношении донских казаков XVII в., когда по царской грамоте от сентября 1615 г. им был предоставлен ряд привилегий, которые воеводы в южных городах не всегда стремились признавать, например, право казаков на беспошлинную торговлю. Борьба за свои привилегии, предоставленные разным категориям служилых людей, в том числе черкасам, со стороны правительства, служила фактором сплочения разных служилых корпораций, напрямую заинтересованных в сохранении у них этих прав и в их подтверждении. Предоставление особых льгот и привилегий воронежским черкасам, забота правительства об их материальном обеспечении выступали наглядным свидетельством стремления властей закрепить их в качестве нового слоя служилого населения, что подчеркивается автором. Такая заинтересованность была настолько сильна, что даже после перехода части черкас Острогожского полка во главе с полковником Иваном Дзиньковским на сторону разинцев правительство в царской грамоте подтвердило данные ранее права местным черкасам на винокурение и продажу вина и предоставляло им земельные угодья (с.180). В этом отношении правительство не ошиблось, поскольку в дальнейшем, как тщательно проследила В.М. Брезгунова в четвертой главе, Острогожский полк принимал участие в боевых действиях и в охране южной границы государства. В то же время указано на противоречия между заинтересованностью черкас в сохранении своих привилегий и интересами местной администрации, в которую шли доходы от кружечного двора после 1685 г., на неспособность правительства разрешить эти противоречия (с.182, 183).

Две последних главы, которые относятся к анализу характера и особенностей военной службы воронежских черкас и их отношений с властями, позволяют более полно представить место их в сложной системе международных и внутренних отношений, связанных с южной российской окраиной. Вывод, согласно которому эта весьма немногочисленная служилая корпорация самым активным образом привлекалась к выполнению самых разнообразных видов службы, сделан на основании анализа деятельности Острогожского полка и черкас из других городов Воронежского края. При анализе политики русского правительства в отношении воронежских черкас указано на стремление властей к проявлению лояльности в отношении этой новой категории служилого населения. Вместе с тем обращено внимание на активное отстаивание черкасами своих интересов, что нашло отражение в

широком круге документальных источников. Что касается вопроса об измене, то этот вопрос был, во-первых, типичным для отношений между властью, обществом и личностью. В России он остро стоял со времени Ивана Грозного, но прослеживался и в других странах, в том числе со времени средневекового европейского понятия о вассальной верности. Черкасы в этом отношении, как недавние подданные польского короля, обращали на себя внимание. Как отметила В.М. Брезгунова, рассматривая случай попытки бегства в июне 1641 г. группы костенских черкас, расправа с пойманными беглецами была суровой. По мнению автора, такая суровость вызывалось принятием этими черкасами присяги на верность царю (с.214-216).

Представляет значительный интерес тема воеводских злоупотреблений, касавшихся черкас Воронежского края и затронутая В.М. Брезгуновой. Это, во-первых, часть общей большой проблемы взаимоотношений между властью и обществом того времени. Во-вторых, это относится к структуре общественных отношений в России времени первых царей из династии Романовых, в рамках которой свои места занимали центральная власть, воеводы и местное население. Эта тема хорошо разработана для сибирских городов, где в условиях сложного характера взаимоотношений между тремя этими субъектами имело место восстание 1649 г. в Томске, которому была посвящена монография Н.Н.Покровского, в ходе которого деятельность томского воеводы вызвала самое резкое недовольство служилых людей и посадского населения. Затрагивался этот вопрос и для южных городов, в частности, Е.В.Чистяковой, в ряде других исследований, в том числе самого В.Н.Глазьева, а за последнее время для Острогожска А.А.Гоголевой. Выявление конкретных злоупотреблений воеводской властью в отношении черкас (с.223-225, 228, 238) позволяет более полно и точно представить характер общественных отношений в стране и отношения широких слоев населения к власти, а разные формы таких злоупотреблений дают представление об изобретательности воевод в отношении поиска незаконных методов своего обогащения. Что касается общей оценки ситуации с воеводскими злоупотреблениями на местах, то В.М. Брезгунова допускает содержащийся в историографии вывод о плохом контроле правительства над деятельностью воевод. Но на этом она не останавливается, и, как представляется, совершенно справедливо делает вывод об отражении в этом сложности процесса формирования государственных структур в то время, по существу, несовершенства государственного аппарата, его несоответствия условиям нового времени (с.238-239). Данный вывод можно поддержать, он по существу перекликается с выводом П.В.Седова об архаичности системы власти и управления в России в монографии «Закат Московского царства». Он вписывается даже в дискуссию более общего характера о месте России XVII в. как общества с возникновением целого ряда новых явлений во внутренней жизни страны или же как общества с преобладанием архаичных традиций, уходящих в эпоху московского государства до Смуты. Вывод В.М. Брезгуновой поддерживает положение о силе и глубине архаических традиций в жизни русского общества накануне

реформ Петра I, с которым выступал ряд историков, а последним П.В.Седов, и в этом большой интерес ее исследования. Как наглядный пример плохой работы местной власти В.М. Брезгунова справедливо приводит многолетний конфликт между жителями близлежащих городов, острогожскими черкасами и коротоякскими служилыми людьми, по поводу земельных угодий (с.257-258).

Заключение к диссертации В.М. Брезгуновой содержит выводы, основанные на анализе материала всех глав, и соответствует содержанию исследования.

В качестве пожелания, во-первых, представляется возможным обратить внимание на то, что в разделе о теоретической и практической значимости введения (с.26) речь идет фактически только о практической значимости. Авторское указание на практическую значимость не вызывает сомнения. Но исследование В.М.Брезгуновой имеет, несомненно, также теоретическую значимость. Вытекает она из положения В.О.Ключевского, согласно которому, «История России есть история страны, которая колонизируется». Положение о роли колонизации в истории страны прослеживается в дореволюционной и в эмигрантской историографии, в советской историографии в меньшей степени, пожалуй, наиболее четко в монографии М.Н.Тихомирова «Россия в XVI столетии», которая имеет историко-географическую направленность. Теоретическая значимость интересного исследования В.М. Брезгуновой видится в том, что в нем представлен один из вариантов колонизации страны, который привел к разным формам взаимодействия нового населения, осуществившего по ряду причин такую колонизацию, в данном случае черкас, и русского населения. В ходе этого процесса выработывались, причем непросто, формы сожителства и хозяйственного освоения территории. По-видимому, до синтеза культур, который был характерен для Воронежского края в более позднее время, дело еще не дошло, но создавались предпосылки для такого синтеза. В этой связи, как представляется, исследование имеет не только практическую, но и теоретическую значимость, на которую есть основание указать в соответствующем разделе введения.

Говоря о хлебном жалованье в параграфе 1 главы 3, В.М. Брезгунова указала размеры чети (четверти) в XVII в. (с.130). По сведениям Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова, размер чети изменился в 1679 г. в сторону увеличения, причем довольно существенно. Так, в весовом выражении до 1679 г. она равнялась шести пудам ржи. Но в 1679 г. размер чети был установлен в восемь пудов (Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. С.112-113). По-видимому, нужно в этой связи некоторое уточнение в том, что касается размеров чети как меры сыпучих тел.

Как подчеркивается в третьей главе, посвященной материальному обеспечению переселявшихся в Воронежский край черкас, их льготам и привилегиям, исследователь из Донецка Г.Г.Чепига давал справедливую оценку черкасам как новому отелльному сословию (с.174). Между тем, общее

положение о формировании сословий в России стало дискуссионным в современной историографии, а само понятие сословия оказалось, по выражению М.А. Бойцова, расплывчатым и размытым, которым пользоваться стало затруднительно. В советской историографии наличие сословий в Московском государстве признавалось, а политический строй страны оценивался как сословно-представительная монархия, со своими особенностями. В современной историографии подчеркивается, что в период до жалованных грамот Екатерины II формирование сословий у нас не было завершено, хотя тенденция к складыванию сословий и сословного строя отмечается. На пути к сословиям формировались корпорации, в частности, корпорация рязанских служилых людей во главе с Прокопием Ляпуновым решительно и активно проявила себя в период Смуты. Что касается черкас, переселявшихся на южную окраину России в том числе в Воронежский уезд, то в данном случае имело место переселение, имевшее ярко выраженную этническую окраску. Несколько ранее имело место другое переселение целого народа, большее по масштабам, когда на территорию России пришли калмыки, и когда Россия признала Калмыцкое ханство на Нижней Волге (без ханского титула властителя до Аюки), а калмыцкие властители признали своей обязанностью службу русскому царю. В данном случае произошло возникновение особого государства в составе Московского государства, причем положение Калмыцкого ханства напоминало вассалитет, в рамках которого царь выступал в роли сюзерена, а вассалы-калмыки несли службу, за которую получали вознаграждение. Возможно, что с переселением черкас, в том числе в Воронежский край, имел место другой вариант этнической инкорпорации в состав России, при котором они оказались в роли особой служилой корпорации, с закрепленными за ними обязанностями службы и со своими привилегиями. По-видимому, можно было бы более четко указать на признаки, по которым черкас, в том числе воронежских, можно идентифицировать в качестве особого военно-служилого сословия. Модель такой идентификации дает историография войска Донского, согласно которой царская грамота от сентября 1615 г., предоставлявшая казакам ряд льгот и привилегий и налагавшая на них неопределенно выраженную обязанность службы, стала основанием для признания в историографии в качестве сословия донского казачества. При этом сословная организация донских казаков, войско Донское, формировалась снизу и была выстроена вскоре после завершения Смуты, а царская грамота обеспечила процессу превращения донского казачества в сословие юридическое оформление. В отличие от такого вассала России, как Калмыцкое ханство, войско Донское до присяги 1671 г. не входило в состав России, но было при этом вассалом царя с широким кругом прав. При таком разнообразии понимания сословия как особой формы социальной связи в обществах со средневековыми традициями было бы желательно уточнение положения черкас, переселившихся в Россию, как сословия.

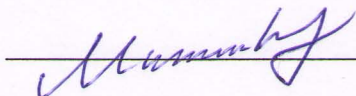
Диссертация В.М. Брезгуновой имеет обширный и правильно оформленный список источников и литературы, а также снабжена рядом

приложений и картой, что позволяет более конкретно представить характер и особенности событий и процессов, о которых говорится в тексте.

Поставленная в диссертации проблема представляется полностью раскрытой. Опубликованные В.М. Брезгуновой статьи, в том числе из списка ВАК, соответствуют теме кандидатской диссертации. Автореферат отражает основной текст диссертации.

Диссертационное исследование на тему «Переселение черкас в Воронежский край и их служба России в XVII веке» отвечает требованиям п.9. Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор, Виктория Михайловна Брезгунова, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент: доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

 Н.А. Мининков

22 апреля 2019 г.

Личную подпись
удостоверяю
Ученый секретарь
Южного федерального университета
ЮжФедУниверситетского О.С.

Контактная информация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Почтовый адрес: 344022, Ростов-на-Дону, ул. Б.Садовая, д. 33.

Рабочий телефон: 8 (863) 218-40-00

Адрес электронной почты: namininkov@sfnu.ru